

- [Грэм Грин](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной](#)
[электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Грэм Грин

Брат

Первыми показались коммунисты. Кучкой человек в десять они торопливо шли по бульвару, соединяющему площадь Комба с улицей Менильмонтан; от них чуть поотстали юноша и девушка — у юноши было что-то неладно с ногой, и девушка помогала ему идти. Лица их выражали тревогу, нетерпение, безнадежность, словно они торопились на поезд, хотя в глубине души уже знали, что упустили его.

Хозяин кафе увидел их издалека; фонари в этот час еще горели (поздней они были разбиты пулями, и этот район Парижа погрузился во тьму), так что кучка людей явственно выделялась на широком безлюдном бульваре. После захода солнца в кафе появился только один клиент, и очень скоро со стороны Комба послышались выстрелы; станция метро была закрыта вот уже несколько часов. И все же какое-то упрямство и стойкость, свойственные хозяину, не позволяли ему закрыть кафе; а может, все объяснялось его жадностью; он и сам не знал толком, почему до сих пор не закрыл своего заведения, а стоит, прижавшись широким желтым лбом к оконному стеклу, и посматривает то на один конец бульвара, то на другой.

Но, заметив кучку людей, которые явно спешили куда-то, он тут же стал закрывать. Прежде всего он пошел предупредить единственного своего клиента, — тот расхаживал вокруг бильярда, отрабатывая удары, хмурился и между ударами поглаживал жидкие усики; лицо его в рассеянном свете низких ламп казалось зеленоватым.

— Красные подходят, — сказал хозяин. — Лучше бы вам уйти. Я закрываю.

— Не мешайте. Ничего они мне не сделают, — ответил клиент. — Мудреный ударчик. Красный между домами. От борта боковик, стукнется и пойдет винтом.

Но он загнал в лузу свой же шар.

— Я так и знал, что у вас ничего не выйдет, — сказал хозяин, кивая лысой головой. — Шли бы домой, право. Только сперва подсобите мне со ставнями. А то я жену услал.

Клиент сердито повернулся к нему, встряхивая кий.

— Говорили мне под руку, я и промазал. Вам-то, ясное дело, есть чего бояться. А я человек бедный. Меня не тронут. Я остаюсь...

Он подошел к своему пиджаку, вынул из кармана сигару.

— Принесите мне стакан пива.

Он стал ходить на цыпочках вокруг бильярда, и шары защелкали снова, а хозяин, по-стариковски сутулясь, в раздражении поплелся обратно в бар. Пива он наливать не стал, а принялся закрывать ставни. Движения у него были медлительные, неловкие, и задолго до того, как он справился со своим делом, коммунисты были уже у кафе.

Испугавшись, как бы стук ставен не привлек их внимания, он опустил руки и со скрытой неприязнью начал за ними наблюдать. «Если я притихну, замру, — подумал он, — может, они пройдут мимо». И он со злорадством вспомнил о полицейской баррикаде на площади Республики. «Тут им будет крышка. А мне пока надо притихнуть, замереть». Он испытывал нечто вроде удовлетворения при мысли о том, что житейская мудрость подсказывает ему именно ту тактику, к которой он более всего склонен по натуре. Так он и стоял, выглядывая в просвет жалюзи, — желтый, тучный, испуганный; смотрел, как хромает по тротуару

юноша, опираясь на руку девушки. Вот они оба остановились и с сомнением оглядели конец бульвара, упирающийся в Комба.

Но когда они вошли в кафе, хозяин уже был за стойкой — он улыбался и кланялся, старательно все примечая; он увидел, что кучка вдруг разделилась и шесть человек побежали обратно к Комба.

Юноша сел на пол в темном углу возле лесенки в погреб; остальные стояли у двери, словно чего-то ожидая. У хозяина появилось странное чувство: стоят тут в его кафе, выпивки не заказывают и, видно, знают, что будет дальше, а он, владелец, решительно ничего не знает, ничего не может понять. Но вот девушка отделилась от своих спутников, подошла к стойке.

— Коньяк! — сказала она.

Когда же хозяин подал ей рюмку, постаравшись отмерить точно, но без излишней щедрости, она молча направилась в темный угол, к юноше, и поднесла рюмку к его губам.

— Три франка, — бросил хозяин ей вдогонку.

Она пригубила коньяк, затем повернула рюмку так, чтобы юноша мог коснуться губами того же места. Потом опустилась рядом с ним на колени и замерла, припав лбом к его лбу.

— Три франка, — снова сказал хозяин, тщетно пытаясь придать своему голосу уверенность.

Юноши там, в углу, уже не было видно — только спина девушки, худой, неказистой, в черном бумажном платье. На хозяина наводили ужас те четверо у двери; ведь они красные, думал он, у них нет уважения к частной собственности, они выпьют его вино и уйдут, не расплатившись; они надругаются над его женщинами (вообще-то у него была только жена, да и та уже ушла домой); они обчистят его кассу; они и его самого пристукнут, как только он попадется им на глаза. Со

страху он решил махнуть рукой на эти три франка, лишь бы не привлекать к себе их внимание.

И тут вдруг сбылись его наихудшие опасения.

Один из мужчин, стоявших у двери, подошел к стойке и заказал четыре коньяка.

— Сейчас, сейчас, — забормотал хозяин, возясь с пробкой и моля в душе Пречистую Деву послать ангела, послать полицейских, послать *gardes mobiles*^[1] — немедленно, сию же секунду, пока он не вынул пробку.

— ...Это будет двенадцать франков...

— Да брось ты, — сказал пришелец, — мы все здесь товарищи. Все делим поровну. Слушай, — и он перегнулся через стойку. — Все наше — твое, товарищ. — Тут он отступил на шаг, словно давая хозяину разглядеть себя, чтобы тот мог выбрать любое, что придется ему по вкусу: вытянувшийся галстук, потертые брюки, заострившееся от недоедания лицо.

— А отсюда следует, товарищ, что все твое — наше. Так что налей-ка четыре коньяка. Все делим поровну.

— Ну, разумеется, — заторопился хозяин. — Я просто пошутил.

Но вдруг он застыл с бутылкой в руках, а на стойке зазвякали четыре рюмки.

— Пулемет, — сказал он. — Где-то у Комба, — и с улыбкой взглянул на тех, у дверей: они забеспокоились, позабыли о коньяке.

«Теперь-то я скоро от них избавлюсь», — пронеслось у него в голове.

— Пулемет, — недоверчиво произнес красный. — Разве они пускают в ход пулеметы?

— А что ж, — ответил хозяин, ободрившись при мысли, что *gardes mobiles* уже где-то поблизости. — Вы-то сами не станете делать вид, будто у вас нет оружия. — И, перегнувшись через стойку, добавил прямо-таки с отеческим видом: — А знаете, что там ни говори, но

ваши идеи... Нет, во Франции это не пойдет. Свободная любовь...

— Ну при чем тут свободная любовь? — возразил красный.

Пожав плечами, хозяин ухмыльнулся и кивком головы показал в темный угол: девушка стояла на коленях, спиной к ним, опустив голову юноше на плечо. Оба молчали, и рюмка с коньяком стояла возле них на полу. Берет у девушки сполз на затылок, вдоль чулка, от колена до щиколотки, протянулся шов на месте спустившейся петли.

— Эти двое? Никакая это не парочка.

— А я-то со своими буржуазными принципами решил... — начал было хозяин.

— Они брат и сестра, — сказал красный.

Мужчины сгрудились у стойки и стали подшучивать над хозяином, но смеялись они едва слышно, словно в доме кто-то был болен или спал. И все время прислушивались, будто чего-то ожидали. Заглядывая в просвет между ними, хозяин мог видеть другую сторону бульвара и угол улицы Фобур-дю-Тампль.

— Чего вы ждете?

— Друзей, — ответил красный и выразительно отвел в сторону раскрытую ладонь, словно бы говоря: «Вот видишь? Мы делимся всем. Ничего не скрываем».

На углу Фобур-дю-Тампль заметно было какое-то оживление.

— Еще четыре коньяка, — сказал красный.

— А тем двоим? — спросил хозяин.

— Оставь, не надо их трогать. Они устали.

И в самом деле, до чего же они устали... От того, что дойдешь сюда по бульвару с улицы Менильмонтан, так не устанешь. Казалось, они совершили путь куда более долгий и мучительный, чем остальные. Они были еще сильнее изнурены, и их вид выражал глубочайшую безнадежность. Так они и сидели в темном углу,

безучастные к дружеской болтовне, к добродушным шуточкам, которые совершенно сбили с толку хозяина, — ему на мгновение померещилось, будто он принимает у себя добрых друзей.

Он рассмеялся и отпустил соленую шутку по адресу тех двоих, но она словно бы не дошла до них. Может, надо их пожалеть за то, что они в стороне от приятельской болтовни за стойкой, а может, позавидовать их более глубокой общности. Вдруг, без всякой видимой связи, хозяину вспомнились обнаженные серые деревья в Тюильри — вереницы восклицательных знаков, прочерченных в зимнем небе. Растерянно, совершенно не понимая, что к чему, запутавшись вконец, он смотрел через открытую дверь в сторону улицы Фобур.

Ему чудилось, что он с ними давным-давно не виделся и вскоре должен расстаться опять. Сам не соображая, что делает, он снова наполнил рюмки, и те четверо протянули к ним загрубевшие узловатые пальцы.

— Подождите-ка, у меня найдется кое-что получше, — сказал он и умолк, наблюдая за тем, что творится на другой стороне бульвара. Свет фонарей плеснулся на синевато-стальные шлемы: *gardes mobiles* выстраивались поперек бульвара, перекрывая выход на улицу Фобур; прямо на окна кафе был наведен пулемет.

«Так, — подумал хозяин. — Значит, мои молитвы услышаны. Теперь только б не сплеховать. Не буду глядеть в ту сторону, ничего им не скажу, поскорей спрячусь в безопасное место. Как там боковая дверь, заперта?»

— Пойду принесу другой коньяк, — сказал он вслух, — настоящий «Наполеон». Все делим поровну.

Но, как ни странно, откидывая прилавок и выходя из-за стойки, он совсем не испытывал торжества. По пути в бильярдную он заставлял себя не спешить: ни в

коем случае не следует их настораживать. Он старался взбодрить себя мыслью, что каждый его замедленный, словно небрежный шаг — это удар в защиту Франции, в защиту его кафе, в защиту его сбережений. У лесенки ему пришлось перешагнуть через ноги девушки — она спала. Он заметил, как выступают под стареньким платьем острые лопатки, и, подняв глаза, встретил взгляд ее брата, полный отчаяния и боли.

Он остановился. Нельзя же пройти мимо них, ничего не сказав. Ему словно хотелось оправдаться в чем-то, как если бы он стоял за неправо дело. С деланным добродушием он помахал пробочником перед лицом юноши.

— Еще рюмочку коньяку, а?

— Говорить с ними без толку, — сказал красный. — Они немцы. По-нашему не понимают ни слова.

— Немцы?

— Там-то ему и повредили ногу. Концлагерь.

Хозяин внушал себе, что надо торопиться, надо скорее уйти от них в другую комнату и запереть за собою дверь, что конец уже близко; но безнадежность во взгляде юноши смутила его.

— А что же он делает здесь?

Ему никто не ответил, словно вопрос этот был такой глупый, что отвечать на него не стоило. Понурившись, он вышел за дверь, но девушка даже и тут не проснулась. Он чувствовал себя чужаком, покидающим комнату, где все остальные — друзья... Немцы... Не понимают ни слова...

Настойчиво пробиваясь сквозь густой сумрак его сознания, сквозь жадность и неуверенное торжество, на свет выбралось, будто горстка лазутчиков, несколько немецких слов, уцелевших у него в памяти от далеких-далеких времен: строчка из гейневской «Лорелеи», которую они учили в школе, и слово «Kamerad»^[2],

оставшееся от войны и связанное с воспоминаниями о страхе и сдаче в плен, а еще неизвестно откуда взявшиеся слова «mein Bruder»^[3]. Он открыл дверь в бильярдную, плотно прикрыл ее за собой и неслышно повернул ключ.

— Бью в центр, — объявил клиент и нагнулся над большим зеленым столом.

Но, как раз когда он стал целиться, шуря узкие злющие глазки, опять началась стрельба. Раздались две пулеметные очереди, а в перерыве между ними — звон разбиваемого стекла. Девушка выкрикнула что-то, но этого слова хозяин не знал. Потом из бара донесся топот бегущих ног, стукнул откинутый прилавок стойки. Хозяин присел на бильярдный стол, напряженно вслушиваясь, но больше ничего не услышал — из-под дверей и сквозь замочную скважину просачивалась тишина.

— Сукно! О господи, сукно! — воскликнул клиент, и хозяин поглядел вниз, на свою собственную руку, ввинчивающую пробочник в стол.

— Неужели этой неразберихе конца не будет? — сердито сказал клиент. — Я ухожу.

— Подождите! — взмолился хозяин. — Подождите!

Из бара слышались голоса и шаги. Голоса были незнакомые. Подкатила машина, но вскоре опять уехала. Кто-то стал дергать дверную ручку.

— Кто там? — крикнул хозяин.

— А вы кто такие? Открывайте!

— Да это полиция, — сказал клиент с облегчением. — Так на чем я остановился? Бью в центр.

И он стал натирать кий мелом. Хозяин отпер дверь. Так и есть, *gardes mobiles*; он снова в безопасности, но два окна в баре выбиты. Красных как не бывало. Он обвел взглядом откинутый прилавок, разбитые электрические лампочки, расколовшуюся бутылку, из

которой за стойку медленно стекало вино. В кафе было полно *gardes mobiles*, и он со странным облегчением вспомнил, что не успел запереть боковую дверь.

— Вы владелец? — спросил офицер. — По стакану пива всем моим людям, а мне коньяку. Живей поворачивайтесь.

— Девять франков пятьдесят, — подсчитал хозяин и наклонил голову, чтобы лучше разглядеть звякавшие о стойку монеты.

— Видите, — важно проговорил офицер, — мы вам платим. — Кивком головы он показал на боковую дверь. — А как те, заплатили?

— Нет, — признался хозяин, — не заплатили. — Но, пересчитывая монеты и бросая их в кассу, он поймал себя на том, что в уме повторяет заказ офицера: «По стакану пива всем этим людям». Те хоть не зажимались, когда заказывали выпивку, этого у них не отнимешь. Взяли четыре коньяка. Ну, правда, не заплатили.

— А как же окна? — неожиданно резко сказал он вслух. — Кто мне заплатит за окна?

— Не беспокойтесь, — сказал офицер. — Правительство заплатит за все. Вы только пришлите счет. Да поторапливайтесь с коньяком. Некогда мне заниматься болтовней.

— Вы же сами видите, сколько бутылок разбито, — не унимался хозяин. — А кто заплатит за них?

— Вам заплатят за все, — повторил офицер.

— Пойду в погреб, надо еще принести.

Его возмущало, что офицер все повторял слово «заплатят». «Врываются ко мне в кафе, — думал он, — выбивают окна, приказывают мне то одно, то другое и воображают, что так и надо, раз они мне заплатят, заплатят, заплатят». Ему вдруг пришла в голову мысль, что эти люди — захватчики.

— А ну, побыстрее! — бросил ему офицер и, отвернувшись, принялся распекать полицейского,

прислонившего свою винтовку к стойке.

У спуска в погреб хозяин остановился. Здесь было темно, но в проникавшем из бара свете он разглядел на середине лесенки неподвижное тело. Его затрясло с такой силой, что прошло несколько секунд, прежде чем ему удалось зажечь спичку. Молодой немец лежал навзничь, головой вниз, и кровь из глубокой раны в черепе стекала на нижнюю ступеньку. Глаза его были открыты, их взгляд, словно направленный на хозяина, был исполнен отчаяния, как и прежде, при жизни. Хозяин никак не мог поверить, что юноша мертв.

— Kamerad, — позвал он и наклонился над телом. Догоравшая спичка обожгла ему пальцы и погасла, а он, склоняясь все ниже и ниже, пытался припомнить какую-нибудь немецкую фразу, но на ум ему приходило только «mein Bruder». Вдруг он повернулся, взбежал по лестнице и, швырнув офицеру в лицо спичечный коробок, срывающимся, истерическим голосом крикнул ему самому, его людям, клиенту, нагнувшемуся под низким зеленым абажуром:

— Свины вы! Свины!

— Что? Что такое? — воскликнул офицер. — Вы сказали, что он ваш брат? Быть не может!

Недоверчиво хмурясь, он смотрел на хозяина и позвякивал в кармане монетами.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Моторизованная полиция (*фр.*).

2

Товарищ (*нем.*).

3

Мой брат (*нем.*).